

Т. М. Кривина

ДИСКУССИЯ О ТУРГЕНЕВЕ
В БРИТАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ СРЕДЕ
В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В своей статье 1896 года Генри Джеймс заметил: «Пожалуй, вряд ли найдется другой иноземный писатель, который столь же естественно, как Тургенев, занял бы должное место в „Библиотеке английских писателей“ <...>» (имелась в виду «Библиотека лучших образцов мировой литературы»).¹ Однако отношение к нашему земляку в Британии рубежа веков (как, впрочем, и в других европейских странах того времени, да и в России) было отнюдь не таким однозначным. Безусловная репутация первого русского писателя, каковой Тургенев обладал в этой стране в 70-х — 80-х годах XIX века, была поколеблена все более возрастающим интересом к творчеству его великих современников — Толстого и Достоевского, а несколько позднее (с середины 20-х годов XX века) — Чехова. Принципиальным оппонентам Тургенева пытались возражать его верные сторонники. Можно говорить о своего рода дискуссии, возникшей вокруг имени автора «Записок охотника» в начале прошлого века в английских литературных кругах.² Порой полемика

¹ Джеймс Г. Иван Тургенев (1818–1883) // Генри Джеймс. Женский портрет / Изд. подготовили Л. Е. Полякова, М. А. Шерешевская. М., 1984. С. 524 (Лит. памятники).

² Об истории восприятия творчества И. С. Тургенева и других русских классиков в Великобритании написано немало. Назовем некоторые из наиболее значимых трудов англоязычных и российских исследователей: *Gettmann R. A. Turgenev in England and America. Urbana, 1941*; *Phelps G. The Russian Novel in English Fiction. L., 1956*; *Waddington P. Turgenev and England. L., 1982*; *Waddington P. Ivan Turgenev and Britain. Oxford, 1995*; *Алексеев М. П. Мировое значение «Записок охотника» // Алексеев М. П. Русская литература и ее мировое значение. Л., 1989. С. 207–267*; *Григорьев А. Л. Русская литература в зарубежном литературоведении. Л., 1977*; *Левин Ю. Д. Новейшая англо-американская литература о Тургеневе (1945–1964) // ЛН. Т. 76. С. 505–540*; *Шерешевская М. А., Литаверина М. Г. Чехов в английской критике и литературоведении // ЛН. Т. 100. Кн. 1. С. 406–453*; *Жантиева Д. Эстетические взгляды английских писателей кон-*

оказывалась открытой — например, у Беннета и Гарнета с Берингом или у Клаттон-Брока с Гарнетом, чаще — безадресной, но сам факт ее существования отрицать не приходится.

В названный период в среде британских литературных критиков обозначилась тенденция возвеличивания знаменитых соотечественников Тургенева за счет дискредитации прежнего кумира. Особенно резко подобная позиция обозначилась в работах Мориса Беринга (1874–1945) — в его статье «Толстой и Тургенев»³ и в книге «Вехи русской литературы», в которую помимо материала статьи он включил главу «Место Тургенева в мировой литературе» (оригинальное ее название — «The Place of Tourgeniev»).

Не без влияния трудов французского и немецкого литературоведов Э. Омана (1859–1942)⁴ и А. Брюкнера (1856–1939),⁵ на которые он прямо ссылается, Беринг фактически лишил Тургенева значительной роли в истории мировой литературы. Он утверждал, что, хотя Тургенев был великим художником и признанным «поэтом в прозе», он не достиг абсолютной истины в изображении человека, так как «его мировосприятие слабее и ограниченнее, нежели у Толстого; понимание жизни холодное и поверхностно в сравнении с Достоевским. Характеры, созданные им, выглядят искусственными на фоне характеров Достоевского и похожи на карикатуры рядом с толстовскими».⁶ С точки зрения Беринга, тургеневские герои принадлежат к книжному миру и даже самый яркий из них, Базаров, в сравнении с нигилистами Достоевского лишен жизненной правдивости. По мнению автора «Вех русской литературы», Тургенев не может быть признан великим представителем России, в отличие от двух его соотечественников, сумевших лучше отразить определенный этап в истории страны.

Позднее в книге «Очерки по истории русской литературы» Беринг все же назвал «Отцов и детей» шедевром. Теперь он более определенно заявил, что автор этого романа займет место классика в мировой культуре благодаря своему поэтическому дару, находящему воплощение в «совершенной чистоте рисунка, безупречном чувстве гармонии, в идеальном соотношении мысли и художественного слова».⁷ Но и в «Очер-

цах XIX — начала XX века и русская классическая литература // Их истории литературных связей XX века. М., 1962. С. 198–242. Известный филолог Д. Г. Жантисева, автор этой объемной работы, писала, в частности, и о дискуссии, возникшей вокруг имени Тургенева. В настоящей статье мы обращаемся в отдельных случаях к тому же литературному материалу, но расходимся с уважаемым исследователем в интерпретации ряда писательских позиций. Кроме того, в статье используются публикации различного рода, не рассмотренные ранее отечественными литературоведами.

³ *Baring M. Tolstoy and Tourgeniev // Quarterly Review. 1909. July.*

⁴ *Haumant E. Ivan Tourguénief: la vie et l'œuvre. P., 1906.*

⁵ *Brückner A. Literary History of Russia. L., 1906* (английский перевод книги «Geschichte der russischen Literatur», вышедшей впервые в Лейпциге в 1905 г.).

⁶ *Baring M. Landmarks in English Literature. L., 1910. P. 99.* На русский язык книга была переведена в 1913 г.

⁷ *Baring M. An Outline of Russian Literature. N. Y.; L., 1914–1915. P. 167.*

ках» Беринг возвысил Толстого и Достоевского над Тургеневым, с его точки зрения — автором устаревшим, отобразившим ушедшую в прошлое эпоху.

Морис Беринг не был выразителем некоей единой «английской» точки зрения на русскую литературу: достаточно вспомнить, что глава «Место Тургенева в мировой литературе» была откликом на высказывания рассерженных почитателей творчества Тургенева, недовольных статьей «Толстой и Тургенев». Однако его позиция оказалась достаточно типичной для британской литературной критики тех лет.

В 1912 году в журнале «*Russian Review*» («Русское обозрение») — печатном органе Ливерпульского университета — была помещена статья Невилла Форбса (1883–1929) «Тургенев». В целом она отличалась доброжелательным тоном: ее автор достаточно тонко прокомментировал философское содержание тургеневских произведений. Однако и он не преминул заметить, что романы Тургенева не так глубоки и универсальны, как романы его великих соотечественников, а сам писатель не такой тонкий психолог, как Достоевский, и не такой потрясающий реалист, как Толстой, хотя, безусловно, остается непревзойденным мастером слова.⁸

Через четыре года Чарльз Сароли (1870–1952) в одной из глав своего историко-литературного труда «Европейский долг России» признал в Тургеневе талант психолога и наблюдателя, создавшего определенный тип героя (человека с «параличом воли»), характерного для российской действительности. Однако для Сароли Тургенев оставался «хроникером» своего времени (как и для Беринга), обладавшим ограниченным горизонтом. Он отказывал создателю Базарова и Рудина в трагедийной глубине Достоевского, вдохновенности Гоголя, пророческом даре Толстого. Впрочем, Сароли все же посчитал Тургенева совершенным стилистом, автором, обладавшим чувством меры и точного словесного выражения.⁹

Весьма резко высказал свое суждение о Тургеневе известный в свое время в Англии литературный критик А. Клаттон-Брок (1868–1924), недоброжелательно откликнувшийся на книгу почитателя тургеневского творчества Э. Гарнета. Клаттон-Брок воспринял автора «Отцов и детей» как писателя искусственного, старомодного (в этом он перекликался с Берингом и Форбсом), не способного создать индивидуализированные характеры. Сохраняя западническую традицию сопоставления русских классиков, Клаттон-Брок утверждал, что все русские писатели XIX века «более далеки от конкретного читателя, чем английские авторы», но самым удаленным от читательской публики представлялся ему именно Тургенев. Если для Толстого и Достоевского творчество, по мнению критика, было естественным процессом, то для

⁸ *Forbes N. Turgenev // Russian Review. L., 1912. Vol. I. N 3. P. 137–138.*

⁹ *Sarolea Ch. The Great Russian Triumvirate // Sarolea Ch. Europe's Debt to Russia. L., 1916. P. 109–110.*

Тургенева — оно являлось «чем-то вроде ритуала».¹⁰ Философская концепция Тургенева казалась британскому исследователю слишком мрачной, лишаящей героев его романа возможности выбора и ответственности за свою судьбу. Тем не менее, называя романы Тургенева «изысканно пустыми» («exquisitely empty»), он признавал, что тургеневская проза сродни поэзии и музыке, и в этом писатель по-своему уникален.

Неизвестный рецензент первой объемной биографии Тургенева, написанной американским исследователем А. Ярмолинским и вышедшей в свет в Англии в 1926 году, утверждал, что Тургенев — при всех своих писательских достоинствах — не видел тех потенциальных благородных возможностей человека, которые открылись Толстому, Достоевскому, Чехову.¹¹ Э. Карр (1892–1982), автор статьи о взаимоотношениях Тургенева и Толстого, вспомнил, что Толстой уснул над «Отцами и детьми». При этом критик сделал весьма рискованный вывод, согласно которому последующие поколения читателей подтвердили толстовскую оценку тургеневской прозы как «усыпляющей».¹² Обе журнальные статьи не предлагали глубокого анализа творчества русского писателя, но они демонстрировали некий сложившийся к концу 20-х годов стереотип в подходе к наследию наших классиков.

Примечательно, что и самые явные почитатели таланта Тургенева, защищая его от нападок критиков, объективно понимали, что их кумир потерял свою былую славу. Общеизвестно, что Джон Голсуорси любил Тургенева, испытал на себе его влияние, обращался к русскому классику и к его героям в ряде статей, посвященных проблемам писательского мастерства. Однако в 1924 году в эссе «Силуэты шести писателей» он с горечью заметил, что после знакомства англичан с произведениями Достоевского Тургенев утратил былое влияние в этой стране. А еще раньше, в 1910 году, в письме к Эдварду Гарнету, комментируя книгу Беринга «Вехи русской литературы», Голсуорси писал: «Интересно то, что он <Беринг. — Т. К.> говорит о русской оценке творчества Тургенева, но это, безусловно, мода, хотя я согласен с тем, что Толстой и Достоевский достигают такого уровня, на который Тургенев даже не посягает».¹³

Любопытно проследить эволюцию отношения к Тургеневу другого его почитателя — Арнольда Беннета (1867–1931). Еще в 1899 году в статье, написанной по случаю выхода в свет 15-томного собрания сочинений Тургенева в переводе Констанса Гарнет, Беннет утверждал, что русский писатель завоевывает в Европе внимание литературных критиков, а не читающей публики. Английский автор уже тогда понимал,

¹⁰ Clutton-Brock A. Turgenev // Clutton-Brock A. Essays on Books. L., 1928. P. 160 (первое издание — 1920 г.).

¹¹ Avrahm Yarmolinsky. Turgenev: the Man, His Art and His Age // The Times Literary Supplement. 1927. March 3.

¹² Carr E. Two Russians // Fortnightly Review. L., 1929. Dec. 2.

¹³ Letters from John Galsworthy (1900–1932) / Ed. by E. Garnett. N. Y., 1934. P. 177.

что более важное место в сознании его соотечественников занимает Толстой, но для него самого Тургенев все равно оставался непревзойденным мастером слова — лучшим из лучших. В 1910 году Беннет вступил в полемику с Берингом. В статье «Тургенев и Достоевский» он очень высоко оценивал художественное мастерство Тургенева и утверждал, что Достоевскому «не дано сотворить спокойную, изысканную в своей мягкости красоту» «Дворянского гнезда» и «Накануне».¹⁴ Однако через семнадцать лет ситуация изменилась, и в эссе «Двенадцать лучших романов» Беннет поместил романы Тургенева на седьмое-восьмое-девятое места после произведений Достоевского и Толстого. Теперь он утверждал: «Тургенев не воздействует на меня так сильно, как Достоевский и Толстой, но он, несомненно, более совершенный художник, чем оба его современника».¹⁵

Никто из писавших о Тургеневе не отрицал того, что он мастер художественного слова, «поэт в прозе», превосходящий в этом отношении своих великих современников. В британской писательской среде эта точка зрения, пожалуй, была инициирована Оскаром Уайльдом. В статье 1887 года, посвященной роману Достоевского «Униженные и оскорбленные», английский писатель отдавал предпочтение Достоевскому как автору, сумевшему постичь «глубочайшие тайны человеческой психологии». Однако при этом он замечал: «Из трех великих романистов нашего времени Тургенев, безусловно, самый рафинированный художник. Он обладает редкой способностью отбирать наиболее важное — до мельчайших деталей, что и определяет существо стиля. Обращаясь к самым жгучим моментам бытия, он на нескольких страницах совершенной прозы умеет показать эмоции и настроения многих жизней».¹⁶ В устах «апостола красоты» подобное высказывание являлось наивысшей похвалой собрату по перу.

Позднее, в 1919 году, Джордж Мур (1852–1933) более явно возвысил Тургенева, изысканного стилиста, над Толстым, с его точки зрения — писателем морализаторского толка. По его мнению (несправедливому по отношению к автору «Войны и мира»), произведения таких писателей, как Толстой, быстро забываются, а тургеневские творения лучше воспринимаются на расстоянии, ибо их создатель умеет воздействовать на читателя не прямолинейной назидательностью, а посредством красоты. Для Мура Тургенев был творцом прекрасного.¹⁷

¹⁴ Bennett A. Turgenev and Dostoyevsky // Bennett Arnold. The Author's Craft and Other Critical Writings. Lincoln, 1968. P. 115.

¹⁵ Bennett A. The Twelve Finest Novels // Ibid. P. 252.

¹⁶ Wilde O. Russian Novelists // Wilde O. The Complete Works. N. Y. Vol. 12. P. 369–370. Первоначально — рецензия на роман Достоевского «Униженные и оскорбленные», которая была опубликована в «Pall-Mall Gazette» в мае 1887 г.

¹⁷ Moore G. Turgenev and Tolstoy // Russian Literature and Modern Fiction. Chicago; L., 1965. P. 34–35. Работа Дж. Мура «Тургенев и Толстой» — глава книги «Открытые признания» («Avowals»).

Отношение к Тургеневу как к совершенному художнику само по себе, без сомнения, было справедливым. Однако, как мы видим, на проблемно-содержательном уровне произведения других русских классиков воспринимались британскими читателями более живо и охотно. Конечно, были в этом плане исключения.

Ричард Кёрл (1883–1968), автор статьи «Тургенев и жизненная иллюзия», помещенной в одном из номеров «Fortnightly Review» («Двухнедельного обозрения») за 1910 год, прежде всего рассматривал философское содержание прозы Тургенева. Он был уверен в том, что способность к тонкому постижению красоты не помешала писателю быть глубоким мыслителем. Сравнивая великих современников, Кёрл обходился без оценочного комментария, когда замечал, что из трех русских классиков Тургенев один остается без всяких иллюзий в своих взглядах на любовь, политику и другие сферы человеческого бытия, при искреннем сочувствии к человеку и его идеалам.¹⁸

Одним из литературных критиков, особенно серьезно воспринимавших проблематику тургеневского творчества, был Янко Лаврин (1897–1958). Он посвятил писателю главу книги «Труды по европейской литературе», вышедшей в Лондоне в 1929 году.¹⁹ Исследователь видит гармоничное единство содержания и формы в творческих исканиях Тургенева и последовательно ведет нас к выводу: эпоха, получившая отражение в произведениях писателя, ушла в прошлое, но его искусство будет жить и он навсегда останется классиком мирового значения. Лаврин утверждал: это произойдет, несмотря на то что в сравнении с энергетикой Толстого и Достоевского творческая манера Тургенева *может показаться* несколько вялой (*anaemic*) (курсив наш. — Т. К.). Таким образом, литературовед сместил акценты в ставшем для британцев привычным сопоставлении трех авторов.

Тонкой ценительницей тургеневской прозы оказалась Вирджиния Вулф (1882–1941). Она с восторгом отзывалась о русских классиках — Толстом, Достоевском, Тургеневе, Чехове. В каждом из этих авторов она увидела свои достоинства и, в отличие от некоторых своих соотечественников, не отдавала предпочтение кому-либо из них. В дневниковой записи от 16 августа 1933 года Вулф заметила, что, читая Тургенева, она задумывается над проблемами формы.²⁰ Но внимание к форме не помешало писательнице достаточно глубоко постичь подтекстовое содержание тургеневской прозы. Пожалуй, никто из западных читателей нашего автора не сумел так точно показать суть его «суггестивного» метода, характер его «тайного психологизма».

Вулф посвятила Тургеневу несколько работ. В декабре 1921 года в литературном приложении к «Times» появилась ее рецензия на сборник рассказов писателя, вышедший в Англии. В апреле 1927 года в еже-

¹⁸ Curle R. H. P. Tourgeneff and the Life-Illusion // Fortnightly Review. 1910. N 522. June. P. 1085.

¹⁹ Lavrin J. Studies in European Literature. L., 1929.

²⁰ Woolf V. The Diary. L., 1982. Vol. 4: 1931–1935.

недельнике «The Nation and Athenæum» («Нация и Атенеум») был помещен отзыв Вулф об упомянутой ранее книге А. Ярмолинского. Обе статьи свидетельствовали о достаточно глубоком понимании тургеневского текста со стороны английского автора.²¹ Самой объемной работой Вулф о Тургеневе стало ее эссе «Романы Тургенева», написанное в 1933 году. Анализируя поэтику тургеневской прозы, писательница обращает внимание на содержательную глубину тургеневских произведений, на их удивительную внутреннюю гармонию, обусловленную органичным сочетанием объективности автора с умением выразить собственную позицию. Завершая эссе, Вулф замечает, что романы Тургенева принадлежат новому времени: «...они не ограничены пристрастными эмоциями, а потому не стали явлением локального, преходящего значения. Человек, говорящий в них, не громогласный пророк, а прорицатель, стремящийся многое понять».²²

Едва ли не единственным исследователем, попытавшимся более последовательно проанализировать социально-философское содержание романов Тургенева, был Э. Гарнет (1868–1937), выпустивший в 1917 году первую английскую книгу о творчестве писателя. Он составил ее из предисловий к переводам, сделанным его женой в 1890-х годах. Гарнет скорректировал кое-что в своих прежних текстах и добавил к ним вступительную статью, которая была реакцией на позицию Беринга и другие неприязненные суждения о его любимом авторе. Основным достоинством Тургенева Гарнет считал умение гениально отразить ведущие тенденции определенной эпохи, пропустить их через личностное восприятие своих героев, освещенное индивидуальным видением. Английский критик делал акцент на теме России в тургеневских романах и утверждал, что свою родину писатель видел такой, какой она была в реальности, и показал ее более объективно и достоверно, чем его современники. Гарнет полагал, что тургеневские романы не только не потеряли своей актуальности, но были пророческими.²³ Конечно, автор книги понимал, что для англичан начала XX века конкретные социально-политические проблемы России, получившие отражение в произведениях Тургенева, есть нечто незнакомое. Однако литературный критик пытался пробиться через это непонимание, объясняя читателям общечеловеческий, общефилософский смысл тургеневской прозы.

Таким образом, в первые десятилетия прошлого века произведения Тургенева получили доброжелательный отклик со стороны его читателей и среди написанных о русском писателе работ были весьма достойные по степени корректности литературоведческого анализа. Однако в целом интерес к Тургеневу в Великобритании не был значи-

²¹ Woolf V. 1) A Glance at Turgenev; 2) A Giant with Very Small Thumbs // Woolf V. Books and Portraits. L., 1977.

²² Woolf V. The Novels of Turgenev // Woolf V. Mrs. Dalloway and Essays. Moscow, 1982. P. 250.

²³ Garnett E. Turgenev. L., 1917. P. 8–9.

тельным. Это тем более удивительно, что духовная атмосфера, сложившаяся в стране в предвоенные, военные, послевоенные годы была во многом созвучной настроением, уловленным автором «Рудина» и «Нови». Это было время утраты иллюзий, время «потерянного поколения». Бернард Шоу весьма точно назвал некогда великую империю «домом, где разбиваются сердца». У драматурга возникла потребность в поисках русских аналогий с той ситуацией, в которой оказалась культурная британская элита той поры: недаром своей известной пьесе он дал подзаголовок «фантазия в русском стиле на английские темы».

Между прочим, английский критик В. Притчет (1900–1997) в своей статье «Герой нашего времени?» увидел в «Рудине» тему, близкую английской литературе 20-х — 30-х годов XX века.²⁴ С этой точкой зрения можно согласиться, если вспомнить романы Голсуорси, Олдингтона, Во, Хаксли и других английских авторов, написанные в первые десятилетия прошлого века. В них получили отражение и пустынное существование молодого поколения, и отчужденное состояние творческой личности, и «шутовской хоровод» так называемой научно-художественской элиты, и кризисное положение Англии в целом и пр. Лондонский туман (символ, к которому прибегает Голсуорси в «Современной комедии») был сродни российскому «дыму»... Но узнавания не произошло.

Еще в 1899 году А. Беннет заметил, что Тургенев — слишком рафинированный художник для нового времени. Позднее причину неуспеха русского автора у британцев Джон Голсуорси объяснил в том же ключе: «Для новой эпохи Тургенев слишком уравновешен и поэтичен».²⁵ Дж. Мур и В. Вулф обратили внимание на суггестивный характер его прозы. Тургеневский текст избегает однозначного определения. Этим, очевидно, объясняется то, что путь к подлинному пониманию тургеневского наследия не только на Западе, но и в России был долгим, сложным и вряд ли можно говорить о том, что он пройден до конца.

Вспомним афористические высказывания парадоксалиста Оскара Уайльда из предисловия к «Портрету Дориана Грея»: «Если произведение искусства вызывает споры, — значит, в нем есть что-то новое, сложное и значительное. Пусть критики расходятся во мнении, художник остается верен себе».

²⁴ Pritchett V. S. A Hero of Our Time? // London Mercury. 1937. XXXIV. N 214.

²⁵ Голсуорси Дж. Силуэты шести писателей // Голсуорси Дж. Собр. соч.: В 16 т. М., 1962. Т. 16. С. 399.